

Проскакал на розовом коне...

Есенин — самый популярный, в прямом смысле — народный и при этом совсем не общедоступный поэт. Его поэтика, при кажущейся простоте и прозрачности, причудлива и удивительна. Немало удивительного и в его судьбе. Явившись из деревенской глуши, он, по утверждению «людской молвы», поднялся по парадной лестнице Петербургского Дома Искусств в деревенских валенках и лазоревой косоворотке, не конфузясь неприглядной «одевы», уверенно и спокойно — как власть имеющий, как полномочный посол Всея Руси. На расстоянии полувека, в середине шестидесятых, дебют Есенина выглядел именно так — лубочно-триумфально. Легенда, героем которой он сделался, стерла детали, мешающие апокрифу о пришествии «вербного отрока» сохранить, что называется, чистоту жанра.

В действительности начинал Есенин отнюдь не блистательно. Его ранние, написанные еще в церковно-учительской школе (1909–1912) стихи и подражательны, и несовершенно.

Да и прибыл Сергей Александрович из рязанского захолустья в Москву не для того только, чтобы удивить отставную столицу своим явлением. Переехал, как и многие получившие образование крестьянские дети, на заработки, ибо «пропасть в глуши» и тянуть ляжку наставника деревенской школы грамоты при самом искреннем сочувствии к «забитому» и «от света гонимому народу» решительно отказался. Несмотря на слезы матери и гнев отца, которым очень-очень хотелось, чтобы их первенец, такой пригожий и умный, всему селу на зависть стал учителем.

Сменив несколько явно не подходящих ему профессий (конторщик в мясной лавке, экспедитор в издательстве «Культура»), новоиспеченный москвич довольно быстро нашел приличную работу — устроился помощником корректора в типографию Сытинского издательского товарищества. Там, кстати, познакомился с порядочной и славной Анной Романовной Изрядновой, сблизился с ней, по примеру ее и совету записался вольнослушателем в народный университет им. А. Л. Шанявского (1913). В 1914 году Анна родила от Есенина мальчика, названного по инициативе девятнадцатилетнего отца Юрием (погиб в период сталинских репрессий в середине тридцатых).

Университетская среда пришлось по вкусу «вчерашнему жителю села», он много читает, дружески сходится с такими же, как сам, жадными на ученье выходцами из крестьянского сословия, они-то и вводят Сергея в Суриковский музыкально-литературный кружок, деятельно и умело опекавший писателей из народа. Короче, времени даром не теряет, принимает

Проскакал на розовом коне

даже участие в организационных хлопотах по созданию собственного журнала суриковцев «Друг народа»; там же публикует стихотворение «Узоры», годом ранее Есенина начал полегоньку печатать и еще один московский тонкий журнальчик для детей — «Мирок»; что же касается серьезных толстых журналов, то они глухо молчат, хотя Сергей Александрович регулярно отправляет по элитарным редакциям подборки новых своих произведений. Однако усилия не эквивалентны результату: Москва, приютив честолюбивого провинциала, явно не спешит признать в нем оригинальный талант и упорно не выделяет среди начинающих «самородков». Однако Есенин слишком верит в себя, в свою «будущность» («я о своем таланте много знаю»), чтобы отступить и вернуться не солоно хлебавши в родные «рязани». Кроме того, едва осмотревшись, он быстрехонько сообразил: в Москве, бездушном буржуазном городе, «где люди большей частью волки из корысти» (из письма к деревенскому другу Грише Панфилову), не найдет ни истинных ценителей, ни просвещенных меценатов-издателей. В том же письме поэт признается товарищу ранних лет: «Думаю во что бы то ни стало удрать в Питер». Надо отдать должное интуиции сельского мечтателя: расчет на Северную столицу был верным. В начале XX века именно Петербург, вопреки традиции, а не Москва, увлеченная пропагандой и усвоением художественных достижений Запада, становится своеобразным славянофильским центром. Однако и московское неозападничество, и петербургское неославянофильство, равно как и волна культурного подъема в крестьянстве (она то и подняла на своем гребне и вынесла на гулкие улицы сто-

лиц крестьянских поэтов), — лишь разные стороны одного процесса. Промышленный бум конца века выдвигал Россию в мировые державы, а это не могло не стимулировать амбиций национального самосознания. Культурная Россия словно бы напряглась и замерла в ожидании Нового поэта, который, по предсказанию Блока, непременно найдет краски и слова для выражения смертной любви россиянина к бедной своей родине. Поэта, который неведомо каким — чудесным! — способом добудет затонувшее в недрах ее болот и суглинков «поющее золото». Блок не только предсказал неизбежность вспышки на русском литературном горизонте необычайной — новой и ослепительно яркой поэтической звезды. Он еще словно бы «отпортретировал», «назвал по имени» темы, сюжеты, ключевые образы лирики Есенина 1914–1915 гг. — провидчески, наперед, в знаменитом эссе 1906 года «Безвременье», то есть почти за десять лет до того, как они были созданы...

«Пляшет Русь под звуки длинной и унылой песни о безытности... Где-то вдали заливается голос или колокольчик, и еще дальше, как рукавом, машут рябины, все обсыпанные ягодами. Нет ни времени, ни пространства на этом просторе. Однообразны канавы, заборы, избы, казенные винные лавки, не знающий, как быть со своим просторным весельем, народ, будто удалой запевало выводящий из хоровода девушку в красном сарафане. Лицо девушки вместе смеется и плачет. И рябина машет рукавом... Вот русская действительность — всюду, куда ни оглянешься, — даль, синева и щемящая тоска неисполнимых желаний. Когда же наступит вечер и туманы

Проскакал на розовом коне

оденут окрестность, даль станет еще прекраснее и еще недостижимее» (Блок, «Безвременье»).

И предположить невозможно, что знаменитое это эссе, так же как и написанное в том же эстетическом и эмоциональном регистре стихотворение Блока «Осенняя воля» (1905), прошло мимо внимания Есенина. Слишком пристально и ревниво следил он за творчеством их автора, очень уж прилежно учился у него «лиричности» («Блок и Клюев научили меня лиричности». «О себе», 1925). К тому же студенты народного университета старались быть в курсе свежих веяний, да и напечатано было «Безвременье» в журнале «Золотое руно» — дорогом, престижном, бережно, в особом библиотечном фонде хранимом (библиотека в университете им. А. Л. Шанявского была отменной). Во всяком случае, готовясь ударить в Питер и ломая для «Радуницы», первого своего сборника, прежнюю поэтику, ориентированную на вкусы преподавателя литературы в Спас-Клепиковском училище, Есенин, начиная с осени 1914 года, работает как бы по блоковскому «сценарию». Упорно, например, добивается впечатления синевы и шири (не пространства, а точь-в-точь как в «Осенней воле» — простора, «далее неоглядных»: «Скачет конь, простору много,/Валит снег и стелет шаль./Бесконечная дорога/Убегает лентой вдаль»); изобретает, словно прислушиваясь к урокам учителя, все новые и новые образы для выражения «щемящей тоски неисполнимых желаний»; тоска у него теперь, после заочной встречи с мастером Блоком, и «озерная», и «солончаковая», и «журавлиная»... Крайне изобретательно использует Есенин и открытый Блоком эффект взгляда сквозь

утренний или вечерний туман («даль подернулась туманом...»), и счастливо найденное им же сравнение дерева с девушкой, взмахивающей рукавом (Блок: «Как рукавом, машут рябины»; Есенин: «Как метель, черемуха машет рукавом»). До того, как Есенин выбрал в мэтры Александра Блока, выработанный им план первого поэтического сборника был совсем иным, куда менее оригинальным. Московский его приятель литератор Д. Семеновский вспоминает, что еще летом 1914 года Сергей говорил: «Напишу книжку стихов под названием «Гармоника». В ней будут отделы: «Тальянка», «Ливенка», «Черепашка», «Венка».

Вместо задуманной «Гармоники» Есенин написал «Радуницу», книгу, созданную под могучим влиянием, я бы даже сказала — внушением, очарованием молодого Блока, Блока поры «Осенней воли» и знаменитого эссеистского триптиха: «Краски и слова», «Девушка розовой калитки и муравьиный царь», «Безвременье».


Согласитесь, с такою вот подготовкой у рязанского самородка были весьма серьезные основания не только прийти к Александру Блоку без приглашения, но и надеяться, что знаменитый поэт примет участие в его судьбе. Согласно легенде, Есенин так и сделал: приехав в Петербург, прямо с вокзала, в нагольном тулупчике заявился в строгий и высокий дом «у морских ворот Невы» и тут же, с порога, вручил хозяину стихи, написанные на отдельных листочках и упакованные чуть ли не в деревенский платок узелком. В действительности по дороге с вокзала Есенин оставил Блоку записку: приду-де в четыре часа и по важному делу, а одет был обыкновенно —

Проскакал на розовом коне

в приличный городской костюм, купленный в магазине готового платья (так одевались в ту пору хорошо зарабатывающие молодые рабочие).

Блок встретил московского гостя вежливо, но официально, выслушал, впрочем, внимательно, день визита — 9 марта 1915 года — отметил для памяти в Дневнике: «Днем у меня рязанский парень со стихами... Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные...» А вот предсказанного им же самим нового поэта с «новой свежестью зренья» в талантливом самородке, увы, не узнал... Да он бы и себя не узнал — прежнего, молодого и дерзкого, ежели б «встретил на глади зеркальной». Того, о котором Анна Андреевна Ахматова чуть не через полвека скажет: «И помнит Рогачевское шоссе разбойный посвист молодого Блока» (*Рогачевское шоссе* — авторская пометка к стихотворению «Осенняя воля»). За десять лет и Блок переменялся, и Россия стала другой: роковой 1914-й стер с лица земли его сказочно-прекрасную *необычайную Русь*... Блок в марте 1915-го это: «Петроградское небо мутилось дождем, на войну уходил эшелон»... Придавленное мутным и тяжелым небом, обезголосело в недрах народной души певчее золото, а в даях неоглядных обесцветилась, выцвела русская синь...

Однако ж и оставлять на улице подающих надежды молодых людей — не в правилах Александра Александровича, и он переправил, с соответствующей рекомендацией, сочинителя *голосистых стихов* к Сергею Городецкому, тоже поэту и художнику-любителю, а через месяц на просьбу «рязанского парня» о новой встрече ответил отказом: дескать, видеться



нам не стоит, мне, мол, даже думать *про ваше* трудно. Холодную отчужденность Блока и самый воздух его замкнутого дома Есенин истолковал как «снисходительность дворянства», и был не так уж сильно несправедлив: в процитированную выше дневниковую запись от 9 марта Александр Александрович внес еще и реплику жены Любви Дмитриевны, дочери создателя «Таблицы Менделеева», брошенную вслед непрошеному гостю: «Народ талантливый, но жулик». Дворянская снисходительность четы Блоков ранила Есенина столь глубоко, что рана эта не стала *былой* и не *улеглась* до самого смертного часа...

Зато Сергей Городецкий встретил рязанца восторженно. В ту пору в его маленьком ателье регулярно собирались питерские интеллигенты, увлекавшиеся наивным народным искусством; стык их собственных литературных мечтаний с поэтическими голосами, рожденными русской деревней, представлялся этим эстетам праздником какого-то нового народничества, а так как самым народным «голосом» в их специфической среде считался стремительно входящий в моду Николай Клюев, новоприбывшего тут же зачислили в подголоски к хранителю и охранителю северной старины. Весной 1915-го Клюева в столице не было, Есенин, по совету Городецкого, отправил ему в Вытегру саморекомендательное письмо: пишу, дескать, как и вы, только на рязанском языке. Клюев откликнулся, завязалась переписка, и с осени того же года народный златоуст (роль Клюева) и народный златоцвет (ампула Есенина) на всех неонароднических вечерах и посиделках выступают неразлучной парой. В странных их отношениях было много тяжелого,

Проскакал на розовом коне

однако, по-видимому, все-таки именно к Клюеву обращено предсмертное послание Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Да и начало дружбы-вражды запомнилось лучезарным: «Тогда в веселом шуме/Игривых дум и сил/Апостол нежный Клюев/Нас на руках носил»...

Не без помощи Клюева (у «нежного апостола» были связи в придворных кругах) Есенину удалось избежать отправки в действующую армию, его пристроили санитаром в Царскосельский лазарет, который патронировала сама императрица.

Словом, несмотря на войну, дела у народного златоцвета шли как нельзя лучше: его нарасхват печатали, без него не обходилось ни одно из поэтических мероприятий, вот только отдельной книги, для которой он уже год как придумал красивое имя «Радуница», пока не было. Все обещали, старались, а потом конфузливо разводили руками: дескать, разруха... Наконец, и опять-таки с подачи Клюева, отыскался меценат-издатель богатый купец Аверьянов, и 1 февраля 1916 года «Радуница» вышла в свет. Тираж (3 тыс. экз., по тем временам огромный) поначалу расходился плохо, меценат хмурился, но практическая сторона ничуть не беспокоила юного автора. Книга, дававшая бессрочный пропуск на русский поэтический Парнас, была у него в руках, и он бросился одаривать своей радостью-«Радуницей» всех, кого уважал за талант: Горького, Алексея Толстого, Репина, Леонида Андреева...

Между тем положение на русско-германском фронте становилось все напряженнее, лазаретную команду расформировали, Есенина (приказом от 23 февраля 1917 г.) направили

в Могилев, в действующий пехотный полк, через четыре дня грянул февральский переворот, в середине марта рядовой Есенин вернулся в Петроград, получил направление в Школу прапорщиков, но по назначению не прибыл. Герой «Анны Снегиной», во многом *альтер эго* автора, объясняет этот поступок фактически, может быть, и неверно, но по существу, видимо, достаточно точно: «Свобода взметнулась неистово./И в розово-смадном огне/Тогда над страной калифствовал/Керенский на белом коне./«Война до конца», «до победы».../И ту же сермяжную рать/Прохвосты и дармоеды/Сгоняли на фронт умирать./Но все же не взял я шпагу.../Под грохот и рев мортир/Другую явил я отвагу –/Был первый в стране дезертир».

Не меньшую отвагу проявил Есенин в сражениях за поэтическое первенство, развернувшихся на столичном литфронте в связи с новой, постреволюционной расстановкой политических и всяких прочих сил. Несмотря на ироническое отношение к главе Временного правительства (калиф на час) и презрение к окружавшим Керенского «прохвостам и дармоедам», Февральскую революцию Есенин принял сочувственно, ибо верил, что, освободившись от самодержавной «крепи», Россия станет Великой Крестьянской республикой. А коли так, значит, и он, ее певец, пророк и глашатай, по праву претендует на роль первого поэта современности. Опьяненный «февральской метелью», Есенин, по свидетельству очевидцев, даже внешне переменился, сбросил, словно лягушечью кожу, и тихость «ласкового послушника», и улыбчивость «вербно-го херувима»: «Надо было видеть его в те годы. Ему было тес-

Проскакал на розовом коне

но и не по себе, он исходил песенной силой, кружился в творческом неугомоне. В нем развязались какие-то скрепы, спадали какие-то обручи. Из него ключом била мужицкая стихия, разбойная удаля. С обезумевшим взглядом, с разметавшимся золотом волос, широко размахивая руками, в беспамятстве восторга декламировал он свою замечательную «Инонию» (В. Полонский, «Памяти Есенина»).

Полагая, что наконец-то пришло его время, Есенин меняет и стиль личной жизни: женится в июле 1917 года (венчается в церкви) на Зинаиде Николаевне Райх, красивой и энергичной девушке из трудовой провинциальной семьи. Да, он влюблен, но дело не столько в эмоциях, сколько в осознанной необходимости остепениться: негоже первому поэту обновленной России слыть бездомником и бродягой! Впервые в жизни снимает приличную квартиру, радуется рождению дочери (июнь 1918), дает ей как продолжательнице рода по женской линии имя матери: Татьяна. (Второй его ребенок от Зинаиды Райх родился уже после их разрыва, в марте 1920-го, однако и имя сыну выбрано не случайно, а по месту рождения отца: Константин — Константиново.)

«Замечательная» «Инония» — центральная часть грандиозного замысла. За неполные два года Есенин, почти забросив лирику, написал цикл маленьких поэм: «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор». Поэмный цикл 1917–1919 годов (практически целая книга из отдельных поэм) — создание небывалое, дерзко-новаторское. Это как бы и Новый